

Ленин сам отрекся от власти?

80 лет назад, 15 декабря 1922 года, главный человек России того времени В.И. Ульянов (Ленин) последний раз исполнил обязанности Председателя Совета Народных Комиссаров. В связи с этим по сей день не прекращается хождение слухов относительно того, как соратники и прежде всего Сталин лишили его власти.

Однако теперь, когда идеологическое противостояние двух миров утратило первоначальную остроту, настало время на место слухов и версий поставить документы тех лет и представить историю в неискаженном идеологией виде. И вот, если это сделать, мир ждет сенсация...

Первое предчувствие смерти

Уже с начала 1922 года здоровье Ленина вызывало большие опасения. Сказывалось сильнейшее перенапряжение в годы революции, гражданской войны и НЭПа. Весной врачи рекомендовали ему продолжительный отдых и горный воздух. Ленин предполагал поехать на Кавказ или в какое-либо другое подходящее место. 6 апреля он беседовал с Орджоникидзе об организации своего лечения и отдыха, а 7 апреля написал ему письмо относительно своих планов на Кавказе. Вот строки из письма: "Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят. Чтобы испытать лечение всерьез, надо сделать отдых отдыхом". Однако поездка на Кавказ не состоялась. Планировалась она на середину июня, но уже в конце апреля и особенно в конце мая дали знать первые чрезвычайные сигналы о надвигающейся катастрофе...

22 апреля Ленин приезжает в Институт биологической физики, где ему производят рентгеноскопию грудной клетки в связи с предстоящей операцией по извлечению пули, а 23-го он едет в Солдатенковскую больницу (ныне больница Боткина), где пулю ему извлекают. Уже 27 апреля Ленин участвует в заседании Политбюро, и вроде бы ничего не предвещает резкого ухудшения здоровья. Вплоть до отъезда 23 мая в отпуск в Горки он продолжает работать. И тут, в Горках, 25-27 мая происходит первый приступ болезни Ленина, приведший к частичному параличу правой руки и правой ноги и расстройству речи.

Примерно в эти дни в связи со случившимся происходит исключительно откровенный разговор Ленина с лечащими врачами. Светила медицинской науки того времени под напором Ленина признаются ему в том, что он обречен на паралич конечностей и... безумие... из-за катастрофически прогрессирующего нарушения кровоснабжения мозга. И это может произойти в любой день...

После тяжелых раздумий Ленин потребует яд. И Сталин как наиболее близкий тогда человек даст Ленину слово, что "сделает это", если действительно окажется так, как предвещают врачи. Чтобы никто(!) не видел разбитого и униженного болезнью учителя...

Правда, уже в середине июня в состоянии Ленина отмечается прогресс, а 13 июля в записке своему совнаркомовскому секретарю Фотиевой он сообщает об улучшении своего самочувствия такими словами: "Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который начинает становиться человеческим. Начинайте готовить мне книги (и посылать мне списки): 1) научные, 2) беллетристику, 3) политику (последнюю позже всех, ибо она еще не разрешена)".

На третий пункт стоит обратить внимание, ибо врачи неоднократно замечали, что какие бы то ни было (положительные или отрицательные) политические новости всегда весьма тяжело отражались на здоровье Ленина, и поэтому столь категорическое предписание было крайне необходимо. Тем более что Крупская, писавшая: "О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача", - не очень-то придерживалась медицинских рекомендаций, что, как свидетельствуют факты, во многом сыграло роковую роль в ускорении развязки.

Между тем 11 сентября "Консилиум профессоров О. Ферстера, В.В. Крамера и Ф.А. Гетье" разрешает Ленину приступить к работе с 1 октября 1922 года. И вот 2 октября Ленин возвращается из Горок и начинает работать. И тут оказывается, что и остальные так же легко относятся к только что "отодвинувшему" тяжелейший недуг вождю. Недаром 24 октября появляется следующее обращение к секретарям: "Поручается вам следить строго

за тем, чтобы на заседаниях не велось частных разговоров, и останавливать разговаривающих. Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)". В связи с этим поручением секретарь Фотиева срочно передает по просьбе Ленина всем окружающим "товарищам", что "он абсолютно не может переносить частных разговоров и хождения во время заседания и что вот именно из-за этого он может снова свалиться".

Эти личные опасения Ленина вскоре действительно оправдываются. Уже 25 ноября самым настойчивым образом врачи предписывают Ленину неделю абсолютного отдыха. Видимо, и сам Ленин предчувствует возможность неожиданного полного выхода из строя и поэтому 30 ноября пишет записку библиотекарю Ш.М. Манучарьянц с просьбой сохранить у него на полке книгу Энгельса "Политическое завещание"...

И вот тут обнаруживается сенсация, которая состоит в том, что Ленин сам принял решение об уходе со своего поста. И причина этого была не в стремлении Сталина и других соратников, создав соответствующие условия, любыми способами добиться его смещения, а в том, что после основательных консультаций с разными врачами Ленин отчетливо и окончательно осознал, что его ждет один-единственный исход, а именно: уже в текущем 1922 году развитие болезни грозит полным параличом тела и отказом мозга... А это означает неотвратимое наступление безумия, что в конце концов и случилось. Разумеется, о скоро предстоящей трагедии знали соратники. И, значит, у них не было необходимости каким-то образом искусственно избавиться от вождя. Так что слухи, например, о желании Сталина с этой целью отравить Ленина - плод политической непорядочности или обычного невежества.

Вместе с тем вопрос о яде для вождя действительно встал перед Сталиным достаточно остро. Но почему? На этот вопрос однозначно отвечают документы, впервые собранные в систему. Эти документы свидетельствуют, что критическое состояние Ленина, заставившее его принять окончательное решение об отставке и срочно взяться за составление политического завещания в виде так называемых последних писем и статей, еще более ухудшилось в результате конфликта Сталина и Крупской 22 декабря 1922 года и стало совсем безнадежным после приступа 7 марта 1923 года. В обоих случаях осложнение было спровоцировано безответственным поведением Крупской, действовавшей вопреки категорическим требованиям врачей оберегать и ограждать Ленина от любых волнений. Сталин по решению ЦК пытался призвать Крупскую к соблюдению порядков, установленных врачами. Однако это только усугубило конфликт, распространив его на новых действующих лиц, и закончилось подключением к нему самого Ленина, что, с точки зрения врачей, было совершенно недопустимо. В итоге произошло уже непоправимое ухудшение здоровья вождя. Вот как это было.

Новые приступы

7 декабря вечером Ленин уезжает в Горки, 12 декабря возвращается в Москву, и уже 13 декабря следуют два новых приступа болезни.

Что же происходило 12-го и могло послужить причиной приступов? Оказывается, по возвращении из Горок с 6 часов до 6.45 Ленин беседовал с Дзержинским о его поездке в Грузию во главе комиссии Политбюро для разбора конфликта между Заккрайкомом и группой Мдивани. Позже, 24 января 1923 года, поручая запросить материалы комиссии по грузинскому национальному вопросу, Ленин скажет: "Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об "инциденте" (то есть о рукоприкладстве Орджоникидзе в ответ на оскорбление. - Автор), и это на меня очень тяжело повлияло".

"С большим трудом, - записано в истории болезни, - удалось уговорить Владимира Ильича не выступать ни в каких заседаниях и на время совершенно отказаться от работы. Владимир Ильич в конце концов на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела".

С этого времени Ленин несколько дней работал дома - диктовал письма, давал различные поручения, стремясь закончить дела, которым придавал особенно важное значение. В письме о распределении работы между заместителями председателя СНК и СТО он откровенно говорит: "Ввиду повторения болезни я должен ликвидировать сейчас всякую политическую работу и возобновить свой отпуск". А через 2 дня, 15 декабря, диктуя письмо Сталину для членов ЦК, довольно обреченно сообщает: "Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно". И в эту же ночь, в ночь с 15-го на 16-е, наступает резкое ухудшение в состоянии здоровья Ленина. Чрезвычайно критическое состояние вождя и систематическое нарушение режима окружающими (в том числе и родными) заставляет сделать беспрецедентный шаг: специальным постановлением 18 декабря 1922 года пленум ЦК РКП(б) возлагает на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами.

Однако режим по-прежнему нарушается, и... прежде всего - Крупской, что состояние Ленина усугубляет крайне. Крупская вместо того, чтобы как-то отвлечь его от политических дел, начинает, например, записывать

под его диктовку письмо Троцкому по весьма волнующему Ленина вопросу о монополии внешней торговли. Это делается 21 декабря, а в ночь с 22-го на 23-е происходит дальнейшее опасное ухудшение в состоянии Ленина: наступает паралич правой руки и правой ноги. Это второй предсмертный сигнал...

Секретные документы неопровержимо свидетельствуют, что Крупская, сама того не желая, имеет непосредственное и первостепенное отношение к последнему из наиболее серьезных ухудшений здоровья Ленина, а именно: с 5 по 10 марта 1923 года наступает "новый приступ болезни Ленина, приведший к усилению паралича правой части тела и к потере речи". Вряд ли можно говорить, что Крупская сделала излечение Ленина невозможным, но то, что своими действиями она ускорила его кончину, - это факт.

Яд для вождя

Между тем это время было наполнено не менее бурными и до сих пор неосознанными событиями, главное из которых, судя по документам, заключается в факте неудачной попытки Крупской отравить Ленина, что представлялось ей в те кошмарные дни и ночи более гуманным, нежели беспомощно наблюдать, как самый близкий тебе человек корчится в мученических пытках от нарастающих болей нервов головы; от болей, которые адски обострились именно по ее вине - из-за спровоцированной ею задержки письма Сталина с его извиняющимися объяснениями Ленину. Ленин ждал этого письма в ответ на свое требование к Сталину извиниться за конфликт с Крупской. Ждал, но не дождался. Сперва потому, что Крупская мешала появлению такого письма, а затем потому, что Ленин, не дождавшись ответа, от волнения и нервного расстройства потерял сознание и... больше никогда в нормальное состояние не приходил.

Как бы то ни было, но в итоге всех этих выяснений отношений сложилось такое катастрофическое развитие событий, что Ленину срочно понадобился... яд!

И вот тут есть смысл документально прокомментировать еще одну серию слухов. В этом помогут личные воспоминания сестры Ленина. М.И. Ульянова доносит до нас следующую секретную информацию: "Зимой 1920-1921, 1921-1922 годов В.И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В.И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал".

Почему В.И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой...

С той же просьбой обратился В.И. к Сталину в мае 1922 года после первого удара. В.И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В.И. действительно минут пять, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В.И. просит его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В.И., и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В.И., и Сталин вернулся снова к В.И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно... В.И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: "Лукавите?" "Когда же вы видели, чтобы я лукавил..." - отвечал Сталин.

И вот после 7 марта 1923 года, когда у Ленина случился третий, наиболее страшный удар, этот вопрос якобы встал снова. Почему якобы? Да потому, что к 17 марта, когда Ленин, дескать, опять категорически затребовал яд, он уже находился в неконтролируемом собственным мозгом состоянии. Вот на этот счет записка Сталина: "Строго секретно Зин., Каменеву. Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в "ужасном" состоянии, с ним припадки, "не хочет, не может дольше жить и требует цианистого калия, обязательно". Сообщила, что пробовала дать калий, но "не хватило выдержки", ввиду чего требует "поддержки Сталина". Сталин". "Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды - как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя! Г. Зиновьев. Л. Каменев".

А 21.III.1923 г. Сталин напишет: "Строго секретно членам Пол. Бюро. В субботу, 17.III., т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном "просьбу Вл. Ильича Сталину" о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что "В. Ильич переживает неимоверные страдания", что "дальше жить так невыносимо" и упорно настаивала "не отказывать Ильичу в его просьбе". Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н. К. во время беседы со мной из своего кабинета, где мы вели беседу, и с волнением требовал "согласия Сталина", ввиду чего мы вынуждены были оба раза прервать беседу), я не счел возможным ответить отказом, заявив: "Прошу В. Ильича успокоиться и

верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование". В. Ильич действительно успокоился. Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК. И. Сталин".

Над письмом после слова "Читал" стоят подписи Зиновьева, Молотова, Бухарина, Каменева, Троцкого и отдельный отклик Томского: "Читал. Полагаю, что "нерешительность Ст. - правильна. Следовало бы в строгом составе чл. Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.)".

Если прочесть еще и сделанную в этот день (17.03.1923.) запись в "Дневнике дежурных врачей", то складывается впечатление, что вся эта акция имела место не по сиюминутной тогдашней доброй воле безнадежно больного Ленина, а прежде всего по инициативе впавшей в полное отчаяние Крупской, в жутком бессилии наблюдавшей за неимоверными и непрекращающимися страданиями уже предельно истерзанного мужа...

При этом не исключено, что после критического осложнения отношений между Лениным и Сталиным Ленину ничего не оставалось, как положиться отныне только на Крупскую... при осуществлении той страшной просьбы, выполнение которой до этого он всецело связывал только с надежностью Сталина, ибо Ленину категорически не хотелось, чтобы после неизбежной при его болезни потере рассудка кто ни попадя и особенно враги "перемывали ему кости", жадно упиваясь при разглядывании фотографий его потерявшим здравый рассудок обликом; что тем не менее вопреки всем его просьбам так трагически и случилось... В свете всего этого становится понятным то, почему так "упорно настаивала" не отказывать Ленину в его страшной просьбе Крупская. Есть основания предполагать, что она даже дала клятву мужу "таким образом спасти его" от неизбежных "при безумном исходе" циничных публичных унижений, оскорблений и осмеяний. И именно поэтому она даже сама пробовала дать яд, но... не смогла. И лишь тот факт, что ей самой не хватило выдержки исполнить эту волю Ленина, заставил ее переступить через себя и обратиться якобы только за ядом к Сталину, хотя, судя по записке Сталина, яд у нее уже был, раз она пробовала его дать...

А между тем вот что, в частности, происходило с Лениным в тот драматический день 17 марта 1923 года: "...Владимир Ильич хорошо пообедал. Через некоторое время он хотел высказать какую-то мысль или какое-то желание, но ни сестра, ни Мария Ильинична, ни Надежда Константиновна совершенно не могли понять Владимира Ильича, он начал страшно волноваться, ему дали брома..." Какое уж тут может быть понимание, что настойчиво требовал он в тот день именно яд, яд, яд?!

Я не стану больше комментировать эти документы. Замечу лишь, что и сегодня, как свидетельствуют судебные процессы над доктором Кеворкяном в Америке, общество еще не пришло к однозначному выводу, как поступать, если безнадежно больной человек оказался перед жестоким выбором: умереть безболезненно сразу или медленно ждать смерть в нарастании бесконечных и раздирающих душу мук?

А Ленин уже задолго до краха своего организма отчетливо представлял, что его прогрессирующая болезнь (согласно мировому медицинскому опыту) неизбежно ведет к тяжелой и трагической форме безумия...

И еще... Западная Европа не случайно не приняла фильм Арабова и Сокурова "Телец". Главной причиной неприятия стал вопрос: "Что вы нам показываете человека, каким он стал, тяжело заболев в конце жизни, от чего не застрахованы и все мы?! Вы нам покажите, каким он был, когда был здоровым, и как он смог чуть ли не весь XX век подчинить своему влиянию, победив с безграмотными людьми в лаптях, с одной винтовкой на троих хорошо обученные войска Антанты, вооруженные к тому же самым современным оружием, танками и самолетами?!"

Сифилис не обнаружен

Обнадеживающие "факты" 23-го и 24-го годов - не более чем политические сказки о медленном, но верном возвращении к полноценной жизни находящегося почти в бессознательном состоянии человека, ибо, как свидетельствуют документы о причинах смерти, его голова все чаще пребывала в пытках от умопомрачительных болей, которые порождала застарелая, а с 23-го года и совершенно беспросветная непроходимость ряда основных сосудов, снабжающих мозг кровью. Победа в сражении с такой болезнью, носящей медицинское название "атеросклероз", еще и сегодня далеко не всегда на стороне человека.

Недаром после этой одной из "смертей века" в архивах истории появилось следующее медицинское заключение: "Основой болезни умершего является распространенный атеросклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания. Вследствие сужений просвета артерий мозга и нарушения его питания от

недостаточности потока крови наступали очаговые размягчения ткани мозга, объясняющие все предшествовавшие симптомы болезни (параличи, расстройства речи). Непосредственной причиной смерти явилось: 1) усиление нарушения кровообращения в головном мозгу и 2) кровоизлияние в мягкую мозговую оболочку в области четверохолмия. Горки, 22 января 1924 г."... И наконец: "Никаких указаний на специфический характер процесса (сифилис и др.) ни в сосудистой системе, ни в других органах не обнаружено. 16.02.24".

Николай Добрюха

Автор: Артур Скальский © Российская газета ИСТОРИЯ, РОССИЯ 👁 2722 14.12.2002, 00:00 📌 357
URL: <https://babr24.com/?ADE=5014> Bytes: 19194 / 19131 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)